

Л. Д. Демидова

**Формирование предания об убийстве
Александра II**

Реакция на какое-либо историческое событие – явление довольно сложное. Очень часто под ней понимается совокупность неких действий, следующих непосредственно за событием – идет ли речь о каких-либо поступках или высказываниях. Такой подход правомерен, но он фиксирует лишь внешнюю сторону явлений. В реальности нередко бывает так, что, кажется, событие не повлекло ярко выраженной сиюминутной реакции, но оставило за собой более глубокий след в виде исторического предания, настолько укоренившегося в культурной памяти народа, что зачастую оно одно способно стать «источником сведений» о том или ином событии.

Однако нередко оказывается, что значение, придаваемое современными историками историческим событиям, не совпадает с тем значением, которое приписывает им традиция¹. Иначе говоря, в этом случае мы имеем антиномию: совокупность исторических сведений, подвергнутых синтезу после предварительного анализа и образ события, который при различии форм его воплощения выражает суть события, его «внутренний нерв», который, по словам Н. А. Бердяева, затрагивает «в глубине человеческого духа какой-то внутренний пласт»².

В связи с этим существенной характеристикой предания следует признать его символичность. Символ же, в отличие от знака, является причастным несоизмеримо превосходящей его духовной реальности, плотью от ее плоти и духом от ее духа. В предании происходит проявление реальности, отличной от данности, от действительности, и если мы признаем за этой духовной реальностью объективность, то и за преданием мы должны признать объективный характер и, по меньшей мере, его равноценность конкретной исторической действительности.

В этом смысле предание следует отличать от мифа. Условно предание можно назвать мифом, если вспомнить то, что сказано о реальности мифа, к примеру, М. Элиаде или А. Ф. Лосевым³. Однако, несмотря на все усилия исследователей, за мифом прочно закрепилось значение если не вымысла, то искусственно конструируемой реальности, в то время

Демидова Лариса Денисовна, преподаватель Специализированного учебно-научного центра Новосибирского государственного университета.

Эл. почта: lardem@mail.ru

¹ Рефуле Ф. Миф и история // Символ, 1986. № 15. С. 43-51.

² Бердяев Н. Смысл истории. М., 1990. С. 18 – 22.

³ Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2001.; Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М., 2001.

как характер предания принципиально иной: происходит не собирание мозаики из отдельных кусочков, а проявление посредством символов объективной духовной реальности, под влиянием чего «материя», т.е. конкретно-историческая действительность преобразуется. Таким образом, в предании мы имеем дело с преобразенной конкретно-исторической действительностью. Формируясь, предание вбирает в себя массу весьма разнородного материала, а потому, не может быть выражено каким-то одним способом, одним текстом. Предание – это своего рода «метатекст» (если говорить терминами семиотики), и формы его бытования могут быть различны.

Каков же был механизм формирования предания об убийстве Александра II, какие элементы исторической действительности оказались «пущены в переплавку», в какие формы оказались облечены символы?

Прежде всего, следует отметить, что формирование предания происходило во всех слоях – как в народе, так и в том слое, который мы называем образованным и просвещенным обществом, однако, пути этого процесса в каждом случае имели свою специфику. Общей их генетической основой, следует, по-видимому, признать реакцию петербургской толпы, присутствовавшей на улицах 1 марта 1881 года, поведение которой и отношение к происходящему определялось исключительно законами массовой психологии. Отдельные возгласы и восклицания, услышанные современниками в воскресный день 1 марта, такие, как: «убили они его, злодеи, убили»¹, «доконали-таки нашего государя злодеи», «Ах, окаянные! Царство ему небесное, принял мученическую смерть... И за что? За свою доброту», «Царь-батюшка, Царствие ему Небесное, для простого народа много добра сделал»², а также подлинные слова смертельно раненого царя в народе облеклись в форму исторических песен. Эпическая размеренность тона сочетается в них с драматическим развертыванием действия:

Пораженный царь упал,
Жалобно слово сказал:
"Подымите меня, дети,
Отжил я теперь на свете".
К нему слуги подбежали,
Под белы руки подняли,
На руках его держали,
Слезно плакали, рыдали,

¹ Толстая А. А. Печальный эпизод из моей жизни при дворе // Октябрь, 1993. № 6. С. 142.

² Панкратов В. 1 марта 1881 г. (Доклад, читанный в Музее Революции 1 марта 1922 г.) // «Былое»: Журнал, посвященный истории освободительного движения. Неизданные номера / Сост. Ф.М. Лурье. Л., 1991. Кн. 2: 1926. № 3 (37). С. 7, 10.

Горьки слезы проливали ¹.

Постепенно масштаб события расширяется, цареубийство расценивается уже не только как народная драма, а как событие космического масштаба: народные песни представляют его не больше, ни меньше как конец света. Образ убиенного царя однозначно предстает светлым и непогрешимым, Александр II рисуется милостивым государем, радевшим за свой народ и павшим жертвой дьявольских козней:

Мы подумаем, друзья
Мы про белого царя.
Милостивый государь
Александра Второй царь
Ко всем любовью горел,
Всем свободу дать хотел.
Под крылом он всех держал
И от козней избавлял.
Справлял он все законы,
Слышал бедных людей стоны,
Всем на помощь поспешал
И злодеев укрощал ².

Этот образ разительно отличается от образа тирана – кровопийцы, созданного народнической печатью и активно насаждавшегося в народе при помощи прокламаций. Убитый царь предстает и во вполне традиционном для фольклора образе «ясна-сокола» и противопоставляется народовольцам-злодеям, для которых нет ничего человеческого. Более того, народные песни олицетворяют их с темными силами, воплощенными в отрицательных образах «вранов черных» и «крыс подпольных», приписывают им inferнальные черты:

Собиралася туча страшная
Вранов черных, кровожадных,
Пригласив к себе крыс подземных и подпольных
Ни на пир-на бал, ни на кресьбины,
Подкопать корень ветви масличной,

¹ *Иванова Т.* "Уготовим бомбы страшные..." // Родина, 1997. № 9. С. 95. Данная статья является единственным известным нам случаем обращения к историческим песням об Александре II. Автор не только вторично опубликовала источники (чаще – полностью, частично – в отрывках), находящиеся в труднодоступных изданиях, но и снабдила их необходимым историко-филологическим комментарием.

² *Иванова Т.* Указ. соч. С. 95.

Совещать совет злой, губительной:

На убийство-зло ясна-сокола,

Легкорылова, быстроокова.

Так советуют враны черные:

Вы послушайте, все подземная

Твари низкия, подкопленная,

Не сладка нам кровь телят-ягнят,

Не вкусны тела несмысленных.

Мы уьемте ясна-сокола

Легкокрылова, быстроокова.

Насладимся кровью сладкою ¹.

Большую роль в формировании народного варианта предания сыграли и другие специфические особенности фольклора как вида творчества – в данном случае, не имеет большого значения, индивидуального или коллективного: сосредоточенность на действии (покушение), схематичность обстановки (Петербург и царский дворец как некие абстрактные места, без указания конкретных примет местности), упор на отдельных деталях (белые платки, в которые завернуты метательные снаряды), которые, скорее, являются больше символическими, чем реальными, известными по слухам, присутствие обычных для фольклора набора метафор, сравнений и эпитетов («горьки слезы проливали» и т.п.). Символичность фольклорного языка, архаичность форм и средств выражения, в которые облекалось предание, как нельзя более способствовали «вырыванию» события из контекста исторического времени, которого предание не знает.

В песнях царь предстает не только в традиционном фольклорном образе сказочного героя. Убитый государь наделяется также чертами мученика и жертвы, который всю жизнь свою:

Дело святое исполнял, гнев Господень утолял,

Веру-отечество защищал и всю Рассею собой охранял,

Пример собой показал и много себе страстей напринимал ².

В последних строках прослеживается аллюзия к другим страстям – Страстям Христовым, в результате чего облик убиенного царя принимает сакральное значение, а неразрывность слов «вера-отечество» придает ему несколько неожиданные на первый взгляд черты мученика за веру. Народный стихотворец, призывающий создать «нерукотворный памятник

¹ *Две* народные песни об императоре Александре II (сообщил Н. Селифонтов) // Русская старина. 1900. № 11. С. 364.

² *Иванова Т.* «Уготовим бомбы страшные...». С. 94.

Царю-Освободителю», акцентирует мотив крестного пути и сопричастности земного царя тайнам Царя Небесного:

И устроим памятник из сердец,
Коего крест сиянием в облаках
Передает память младенцам у нянюшек на руках.
И да будет сие во век и во век
Пока существует мир и человек!
Я уже стар, мне жить не долго,
Отойду туда же, где Он.
Там, быть может, и увижу
Я его пресветлый трон;
Там воздам и честь, и славу
Перед Небесным Царем ¹.

Народные песни, как представляется, вполне могут быть признаны отражающими восприятие события массовым сознанием. При этом эмоция, владевшая петербургской толпой, оказалась опосредована ментальными представлениями: на уровне идей – это народный монархизм, на психологическом уровне – сочувствие к пострадавшему, несчастному, кем бы он ни был. Эти ментальные черты в 1881 году оказались фактором, определившим, в конечном счете, направление народной реакции на убийство, явились, по словам С. Сигеле тем «органическим предрасположением», благодаря которому «реализация данного внушения возможна или невозможна»² - под внушением в данном случае можно понимать как народовольческую пропаганду, так и меры властей, направленные на успокоение народа. В этом отношении ситуация 1 марта представляет собой один из тех случаев, когда при наличии серьезных социальных, экономических и политических проблем в стране, недовольства правительственной политикой со стороны широких слоев населения не произошло массового возмущения, а радикальная агитация оказалась недейственной. В свете этого обстоятельства апелляция властей к гласу народа оказалась хотя и натянутой, но не лишенной основания.

Но проблема народных песен заключается не в отражении ими действительно происшедшего. Они, безусловно, выражают отношение народа к царевубийству, но не посредством отражения действительности. В них мы имеем возможность видеть, как событие, имевшее место в действительности, трансформируется в образ, который имеет к ней доволь-

¹ Две народные песни об императоре Александре II... С. 365.

² Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии // Преступная толпа. Сборник. М., 1998. С. 95.

но опосредованное отношение. В народных песнях событие не несет ни политического, ни идеологического, ни даже, строго говоря, нравственного смысла. Оно имеет ярко выраженные сакральные черты. При этом важно заметить, что в народных песнях прослеживается соотнесение символически воспроизводимой реальности с реальностью евангельских событий, то есть новый текст взаимодействует с основополагающим Текстом христианской истории и культуры.

Похожее явление можно наблюдать и в обществе. Однако пути формирования здесь были иными. Итог январского покушения дал обществу множество тем для обсуждения: о причинах произошедшего и виновниках трагедии, о дальнейших действиях общества и правительства, об историческом пути России, реформах и революции и т.п. Общественное внимание было устремлено, однако, не только в будущее, но и стало предпринимать первые попытки «окинуть взглядом» недавнее прошлое, ту эпоху, которая имела такую устрашающую развязку.

Оценка деятельности Александра II либеральной частью общества в основном, однозначна - это «одно из величайших царствований в русской истории»¹, царствование, «отмеченное прежде всего уничтожением крепостного права, славным актом, не имеющим себе равных в истории России и превосходившим по своему значению многие победы и завоевания, добытые ценой пролитой крови»². Говоря о либеральных изданиях 1881 года, один из исследователей совершенно справедливо замечает, что появление положительных оценок в адрес Александра II нельзя считать знаком перехода на охранительные позиции: это «вполне отвечало нравственным и правовым нормам своего времени»³. О недостатках внутренней политики попытались забыть - упоминать их в данную минуту было не вполне прилично, да и обстановка этому не способствовала. Редкая статья обходилась без восхваления Александра II как прозорливого правителя. Это не были попытки дать систематическое описание и уж тем более, какой-то анализ и прошлого, и нынешней ситуации, отдельные высказывания современников не создавали схему, а складывались в обобщающий образ прошлого и настоящего.

Сходной была позиция и консервативных кругов, но касалась она, скорее, личности царя, нежели его политики. М. Н. Катков, критически относившийся ко многим инициативам Александра II, оценивал его дела как «угодный Богу подвиг», а смерть - как «искупительную жертву за

¹ Чичерин Б. Н. Воспоминания // Александр II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 377.

² Толстая А. А. Печальный эпизод из моей жизни при дворе. Записки фрейлины // Октябрь, 1993. № 6. С. 144.

³ Драган С. Н. Либералы и М.Т. Лорис-Меликов после 1 марта 1881 года // Вестник Московского университета. Сер. История. 2002. № 3. С. 97-98.

русский народ, за Россию»¹. В. П. Мещерский, делая экскурс в историю николаевского царствования, прямоком из него выводил «беспочвенный либерализм» Александра II, считая это обстоятельство роковым в судьбе убитого монарха². В оценке консерваторов закончившееся царствование выглядит, скорее, заблуждением, но заблуждением не сильной воли, а мягкого сердца, и резкие выражения в адрес либерального окружения не распространяются на царя. В публицистике встречались, однако, сентенции, сомнительные с точки зрения вкуса и меры: одна из статей в «Московских ведомостях» начиналась словами: «Свершилось! Царя-Освободителя не стало», а другая – по случаю погребения – содержала малоприятный для покойного царя вывод: «Никакое торжество не могло бы так возвысить и прославить его, как мрачное злодеяние, пресекшее дни его. Ничто не могло бы так обновить живую связь между властью и свободой, между царем и народом в России, ничто не могло бы так укрепить и так вознести над всякими опасениями силу России, как этот удар, направленный злодейской рукой на ее конечную пагубу»³.

Это высказывание отнюдь не являлось единичным и чем-то из ряда вот выходящим: «... некоторые высказывали прямо, что в событии 1 марта видят руку Провидения; оно возвеличило императора Александра, послав ему мученическую кончину, но вместе с тем послужило спасением для России от страшных бедствий, угрожавших ей, если бы еще несколько лет оставался на престоле несчастный монарх, который давно уже утратил всякую руководящую нить для своих действий, а в последнее время очутился в рабском подчинении княгини Юрьевской»⁴, - замечал В. М. Феокистов. В подобном духе высказывается и Б. Н. Чичерин: «Провидение избавило Александра II от позора коронации [княгини Е. М. Долгорукой]. Вместо того он принял мученический венец, который искупил все его слабости и оставил его образ светлым ликом между русскими царями»⁵.

Было бы некорректным рассматривать подобные заявления лишь как свидетельство запоздалой критики в адрес Александра II и радости по поводу его смерти, хотя на первый взгляд может показаться, что для мемуаристов *le roi mort* гораздо предпочтительнее *le roi vivant*. Во всяком случае, подобную оценку ситуации трудно назвать политической, хотя

¹ *Русский вестник*. 1881. № 3. С. XVII.

² *Мещерский В. П.* Мои воспоминания // Александр II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 369 – 375.

³ Цит. по: *Русский вестник*, 1881. № 3. С. I, XXVIII. Журнал перепечатал переводные статьи из «Московских ведомостей» за 1-6, 14 марта.

⁴ *Феокистов В. М.* Воспоминания В.М. Феокистова. За кулисами политики и литературы. 1848 – 1896. Л., 1929. С. 196 – 198.

⁵ *Чичерин Б. Н.* Воспоминания // 1 марта 1881 года: Казнь императора Александра II. Документы и воспоминания. Л., 1991. С. 377 - 378.

речь идет вроде бы о политических следствиях убийства. Тем более, невозможно поверить, чтобы она выражала нравственное отношение к смерти Александра II. Здесь мы имеем дело с идеализацией ситуации, сквозь которую еще совсем слабо начинают проглядывать черты образа. Конкретно-историческая действительность, говоря словами Ю. М. Лотмана «семиотизируется», ей придается новый, «внепрактический»¹ смысл. Явление это осуществляется в массовом сознании, но другого слоя, не в народном сознании, а в сознании просвещенного общества, причем без непосредственного соприкосновения с народной культурой. Тем не менее, нельзя не заметить множества сходных черт в «трактовке образов» главных действующих лиц и общей тональности повествования – «царь-жертва», «злодеи-террористы».

В отличие от народных песен, где традиционные фольклорные образы и образы, имеющие связь с сакральной историей равнозначны, в обществе последние получают приоритет и развитие (заметим, что в данном случае речь идет о светских текстах). Если подойти к вопросу с точки зрения формы воплощения образов, то и в обществе имеется некоторый аналог народным песням, по крайней мере, нам известен пример художественного текста, созданного в этой среде. Речь идет о стихотворении А. Фета, напечатанном в апрельской книжке журнала «Русский вестник»:

День искупительного чуда,
Часть освящения креста:
Голгофе передал Иуда
Окровавленного Христа.

Но сердцевидец, безмятежный
Давно смиряясь постиг
Что не простит любви безбрежной
Ему коварный ученик.

Перед безмолвной жертвой злобы,
Завидя праведную кровь,
Померкло солнце, вскрылись гробы,
Но разгорелась любовь.

Она сияет правдой новой.
Благословив ее зарю,
Он крест и свой венец терновый

¹ Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века ... С. 234, 238.

Земному передал царю.

Бессильны козни фарисейства:
Что было кровь, то стало храм.
И место страшное злодейства
Святыней вековечной нам ¹.

Вероятно, поводом, для написания стихотворения послужило освящение 17 апреля временной деревянной часовни на месте убийства, во всяком случае, последнюю строфу можно считать намеком на это. Однако очевидно, что весь текст стихотворения, наполненный символами, исключает буквалистский подход к его интерпретации. Святыней становится не только храм, воздвигнутый на месте убийства. Святыней становится само событие 1 марта, прежде всего, «мученическая смерть» Александра II. Стихотворение примечательно тем, что фиксирует момент, в котором предание от символов, почерпнутых из конкретно-исторической действительности, переходит в область принципиально иных по характеру символов - символов Священного Предания и Священного Писания.

Эта символичность имела для современников глубокий смысл и значение, далеко выходящее за рамки официозного образа царя как «блюстителя веры», «хранителя православия» и «земного преемника божественной власти». Следует напомнить, что период от момента убийства 1 марта до казни народовольцев 3 апреля приходился на дни Великого поста (Пасха в 1881 году праздновалась 12 апреля), когда символы обретают реальную плоть, и когда, переживание евангельских событий в духовном, а отчасти и в эмоциональном плане особенно остро. В данном же случае современники видели материально-осязаемую (да еще столь кровавую) «проекцию» событий священной истории на данную им действительность. Сознание, фиксируя, по выражению о. Павла Флоренского, момент взаимопроникновения исторического и метафизического ², устанавливало связь между сакральной и земной историей.

Формирующееся предание, таким образом, включалось в очень мощную традицию. Это обстоятельство, с одной стороны, означало предельную актуализацию евангельской истории Распятия, что в очередной раз стало поводом для ее осмысления. С другой стороны, новому, только складывающемуся на глазах современников историческому преданию об убийстве Царя-Освободителя оно сообщало такой масштаб, который выводил это убийство за рамки просто исторического события, даже

¹ *Русский вестник*, 1881. № 4. С. 725.

² *Флоренский П. А. У водоразделов мысли. Ч. 1* // [Избранные сочинения в 2-х тт.]. М., 1990. Т. 2. С. 34.

экстраординарного, а включал его в глубокий пласт культурной памяти, в результате оно само становилось и начинало действовать как текст совершенно особого рода. Сквозь призму предания, созданного в 1880-е гг. последующие поколения получили возможность осмысливать свое настоящее – не настоящее мертвой исторической точки, а настоящее в каждой точке дышащей исторической материи.